

ДЖЕННИФЕР
ХЕЙМОР

*Соблазнительное
предложение*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х35

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jennifer Haymore
THE ROGUE'S PROPOSAL

Перевод с английского *Е. Максимовой*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Хеймор, Дженнифер.

Х35 Соблазнительное предложение : роман / Дженнифер Хеймор ; [пер. с англ. Е. Максимовой]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-084640-5

Ни один джентльмен не позволит себе путешествовать с незамужней дамой.

Ни одна истинная леди и помыслить не посмеет, чтобы взять себе в спутники известного повесу.

Однако отважный Лукас Хокинс, наследник герцога Трента, и прелестная молодая вдова Эмма Кертис не обращают внимания на условности — совместными усилиями они ведут поиск Роджера Мортона, чтобы отомстить коварному негодяю.

В пути Лукаса и Эмму ждут множество приключений, увлекательных и опасных, тайна прошлого, которую необходимо раскрыть, и, конечно, пылкая, страстная, неодолимая любовь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-084640-5

© Jennifer Haymore, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Глава 1

Нет, он выпил недостаточно. Лорд Лукас Хокинз посмотрел на стакан с элем, стоящий перед ним на столе, провел большим пальцем по каплям, собравшимся на ободке.

Он предпочел бы что-нибудь покрепче, но и эль уже начинал действовать. Все острые края фантомных лезвий, что безжалостно полосовали его трезвого, уже затупились. Шум в таверне, пронзивший насквозь и вызвавший головную боль, когда он только пришел сюда, теперь казался ему вполне терпимым. Люк еще раз отхлебнул прохладной янтарной жидкости, откинулся на спинку стула и с удовольствием прикрыл глаза.

На сегодня вопросов достаточно. Он почти не продвинулся в своей охоте на Роджера Мортонна, но это его не удивляло. Мерзавец, который увез мать Лукаса из ее дома в Айронвуд-Парке, был человеком хитрым и ускользал от него на всем пути от Кардиффа до Бристоля.

Здесь он Мортонна не найдет, это точно. Сейчас он осушит еще три-четыре высоких стакана эля, подыщет себе на вечер приятную компанию, а затем рухнет в сон без сновидений. Чтобы проснуться утром и вновь взяться за бесплодные поиски.

Держа стакан с элем обеими руками, Люк поднес его к губам, зажмурился и опрокинул напиток в рот. Опуская стакан, он снова открыл глаза.

«Так-так-так».

Он выпрямил спину и решительно поставил стакан на стол. Губы его изогнулись в порочной улыбке. Похоже, приятная компания отыскалась сама.

На противоположной стороне узкого деревянного стола сидело видение в черно-белом. Прелестнейшее создание, таких ему не доводилось встречать давным-давно. Карие с золотыми искорками глаза смотрели на него с непроницаемым выражением. Густые, блестящие локоны выбились из-под чопорного белого чепца и обрамляли розовощекое лицо в форме сердечка. Ее невероятно аппетитные губы заставили его сердце встрепенуться: они напоминали темно-красные спелые вишни, их сладкий аромат, сок, брызжущий, стоит только надкусить такой плод.

Одного взгляда на эти губы было достаточно, чтобы ослабленное тело Лукаса моментально вернулось к жизни.

— Ну-у-у, — протянул он, подпустив в голос ленцы и лукавства. Он отработывал этот тон долгие годы, преследуя двойную цель: в точности сообщить леди свободных нравов, чего он хочет, и дать возможность невинной девице сбежать, пока у нее есть шанс. — Самое время. Я давно вас жду.

Надо отдать ей должное, она всего лишь чуть шире распахнула глаза. Лукас и не заметил бы, не будь он так внимателен. Другой реакции не последовало. Она даже не шелохнулась.

— В самом деле?

Лукаса охватило вожеление. Господи, какой у нее голос! Крепкий и бархатный, как лучшее бренди. Он вызывал в воображении картину спальни, смятых простыней, грубой возни, сладострастных удовольствий. Тело сильно напряглось. Член уперся в складки бриджей. Находясь под магией прелестного личика, непробиваемого хладнокровия и чувственного голоса, Люк был готов немедленно утащить ее наверх, в спальню.

Но он не относился к тем, кто слишком торопит события, в особенности если его так заинтриговали. У него хватит и сдержанности, и терпения.

Люк склонил голову набок.

— Что вас так надолго задержало?

— Ну, — она глубоко вздохнула, чем сразу привлекла внимание к своей пышной груди, словно пытавшейся выпрыгнуть из лифа. Лукас с радостью помог бы ей в этом, — кое-что задержало.

— О? Кто? Или что?

Уголок ее губ дернулся вверх. Она с ним играет! Обычно он сам играл с женщинами, но в данном случае они играли друг с другом, и ему это нравилось.

— Незнание, — сказала она.

Незнание? Распущенные женщины обычно не употребляют подобных слов, да еще с такой интонацией. Хрипловатый голос произнес это слово так, как говорят только образованные дамы.

Люк откинулся на спинку стула, пытаясь внимательнее рассмотреть женщину напротив сквозь возбуждение и алкоголь. До этого он заметил только ее чепец — когда хотел швырнуть его на пол и зарыться пальцами в изобилие блестящих волос. И не увидел ни жемчужных серег, ни превосходного шелка ее платья, белого, отороченного черным бархатом.

Она не шлюха. Она леди.

Люк замер, торопливо окидывая взглядом зал. Таверна была переполнена мужчинами и женщинами, которые ели, пили и болтали между собой. Шум, запахи обуглившегося мяса, хмеля и пивных дрожжей пронизывали каждый дюйм помещения. Никто за ним и его собеседницей не следил — по крайней мере в открытую. Но дьявольщина, леди не впадают в питейные заведения и не плюхаются за стол к первому попавшемуся пьянчужке. Этой женщине что-то известно.

Эти открытия не сделали ее менее притягательной, напротив, они завораживали. Леди она или нет, но дерзости ей хватает. Люку нравились дерзкие женщины — они бесстрашны, готовы идти на риск хоть в постели, хоть вне ее.

Он подался вперед, поставил локти на гладкий стол. Столешница была настолько узкой, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица.

— Но теперь что-то изменилось? — спросил он. — Кто-то вас просветил?

Она с глубокомысленным видом кивнула:

— Именно так.

Вероятно, она слышала, как он расспрашивал про Роджера Мортону.

— Значит, у вас есть для меня какие-то сведения?

Она хмыкнула и побарабанила пальцами по столу, чем невольно привлекла его взгляд к своим рукам. Коричневые лайковые перчатки плотно облегли длинные пальцы, постукивавшие по деревянной поверхности.

— Я думала, это у вас могут быть сведения для меня.

Он вскинул брови.

— Вот как?

Она в ответ тоже высокомерно подняла брови.

— Да, вот так.

Люк засмеялся. Непривычное и редкое чувство закипало в нем, перехлестывая через край. Он заулыбался еще шире. Обычно женщины не вели себя так в его присутствии. Они либо, заливаясь слезами, мчались к своим мамочкам, как обиженные котята, либо тянули его прямо в объятия, как ненасытные львицы. Эта дама представляла собой нечто совершенно другое.

— Поэтому у меня к вам предложение, милорд.

Ага, значит, она прекрасно знает, кто он такой. Или знает, кем он прикидывается.

— А у меня предложение к вам, мисс...

— Миссис.

— Миссис, — повторил он, ни на секунду не поверив, что она замужем. Нет уж, у него было чутье на замужных

женщин. А эта дама пахла лавандовым мылом... и чем-то большим. Чем-то неукротимым и влекущим. И что-то в ее взгляде говорило о теплой чувственной плоти и темных, томных ночах.

Нет, она определенно не замужем. А это значит, что о своем брачном статусе она солгала или же является вдовой. Впрочем, для вдовы она слишком молода. Люк пытался понять, что скрывается за спокойствием этой леди, что она задумала.

— Миссис Кертис, — сообщила она.

— Миссис Кертис, у меня есть предложение к вам.

Уголок ее губ снова дернулся вверх. Глаза заискрились самым обворожительным янтарным оттенком.

— В самом деле?

Люк приблизился к ней и провел пальцем по ее нижней губе, которая оказалась мягче, чем бархат на лентах ее платья. Она была пухлая, красная, как спелая сладкая вишня. Как же ему захотелось попробовать ее на вкус!

— Пойдемте со мной наверх, — прошептал он.

Она никак не отреагировала ни на прикосновение, ни на слова. Осталась неподвижна. Затем чуть отодвинулась и едва заметно кивнула:

— Хорошо, милорд.

И, не тратя лишних слов, с деловым видом поднялась. Люк мгновенно вскочил, скорее повинувшись давней привычке, чем по какой-либо другой причине. «Всегда вставай, если леди стоит, — твердила ему гувернантка. — Или тебя сочтут грубияном из джентльменов». Теперь все считали его грубияном из джентльменов, но это не мешало ему вовремя вставать.

— Пожалуйста, — миссис Кертис повела рукой в сторону выхода, — показывайте, куда идти.

— Разумеется. — Он кивнул.

Они молча пробирались по переполненной таверне. Никто не обратил на них никакого внимания. Выйдя из общего зала, они прошли по длинному коридору и стали подниматься по лестнице в его дальнем конце.

Опустилась ночь, а вместе с ней пришел резкий осенний холод, который был ощутим и на тускло освещенной лестнице. Люку внезапно захотелось прижать миссис Кертис к себе и согреть ее. Но он был недостаточно пьян, чтобы не понимать — такая леди вряд ли будет приветствовать подобные вольности на виду у всех.

И все же он успел выпить достаточно, чтобы вообразить себе, как необузданно она примет его ухаживания за закрытой дверью.

Добравшись до верха, Люк задержался на площадке, пытаясь сообразить, куда идти дальше. Гостиница при таверне была большая, от лестницы вели сразу три коридора.

Миссис Кертис остановилась рядом с ним, изогнув бровь:

— Мне кажется, теперь сюда, милорд. — И свернула в правый коридор.

Люк последовал за ней. Значит, размышлял он, она уже знает, где расположена его комната. С каждой секундой эта женщина привлекала его все больше.

Она остановилась перед последней дверью.

— Здесь?

— Да, миссис Кертис. Здесь.

Он вытащил из кармана ключ, отпер дверь и шагнул внутрь.

В комнате, меблированной со спартанской скромностью, было холодно. В отличие от своего брата, Саймона Хокинза, герцога Трента, Люк не обладал средствами, чтобы снять целый этаж в гостинице для себя и своей свиты и нанять камердинера и прочих слуг, которые поддерживали бы огонь в каминах и разжигали жаровни, сохраняя в комнатах приятное тепло. Да и свиты у него не имелось, только он сам по себе. Так было всегда, так будет всегда. Тем более сейчас, когда он узнал, что он не настоящий Хокинз.

Люк шире распахнул дверь, и леди тоже вошла. Она хотела обойти его, но Люк решительно захлопнул дверь и поднял руку, останавливая миссис Кертис. Она попяти-

лась, наткнулась спиной на дверь. Люк уперся ладонями в дверь по обе стороны от ее плеч, преградив ей путь.

— Ну вот, — тихо пробормотал он, — теперь вы моя пленница.

Что-то вспыхнуло в ее глазах. Страх или страсть? Наверное, страсть. Он уже успел понять: эту женщину не запугать так просто.

Люк наклонился и прошептал ей на ухо:

— Вы любите, когда вас связывают, миссис Кертис?

Она отреагировала едва заметно — по телу прошел слабый трепет, но Люк его почувствовал. Он почти вплотную приблизил губы к ее губам, щекой чувствуя ее теплое дыхание. Она не шевелилась, только легко дышала.

Всего несколько каких-то дюймов разделяло их тела. Они не соприкасались, но стояли так близко, что жар их смешивался и словно закипал в этом узком пространстве.

Медленно, мучительно Люк закрыл глаза и прикоснулся легчайшим поцелуем к ее губам — полным, мягким, но безразличным, — неторопливо, чувственно скользнул губами вправо, влево. Она не шелохнулась, но тело ее слегка обмякло, и Люк испустил негромкий стон.

Она была такая вкусная. Сладкая. Спелая. Он снова притронулся к ее неотзывчивым губам, прикоснулся кончиком языка к уголку ее рта, пытаясь вызвать хоть какую-то реакцию, но она так и не шелохнулась.

Господи, он хочет эту женщину! Его тело вопило, требуя прижать ее к себе и получить такое порочное наслаждение, какое только сможет предложить ее податливая плоть. Но он хотел не только ее уступчивости, ему требовалось, чтобы она принимала во всем активное участие. Люк снова поцеловал ее губы, щеку (какая у нее мягкая, гладкая кожа!), добрался до нежной мочки уха.

— Ну, а теперь вы готовы выслушать мое предложение? — прошептал он.

Легко, как перышком, прикоснулся губами к мочке уха, нежно ее прикусил и чуть отодвинулся, всматриваясь. Вы-

ражение лица миссис Кертис не изменилось, только веки опустились.

Пока она молчала, подумал, что сам хотел бы сказать: «Я верю, что у вас есть для меня информация, миссис Кертис. Верю, что в ответ вы чего-то хотите от меня. Но все это может подождать. Прямо сейчас, прямо здесь я хочу вас. Хочу ощутить под собой ваше прелестное тело. Хочу сорвать с вас это платье и покрыть поцелуями каждый дюйм вашей восхитительной кожи. Хочу заставить вас выкрикивать мое имя снова и снова до тех пор, пока мы оба не дойдем до такого иступления, после которого остается только провалиться в сон. А потом, когда мы проснемся...»

— Нет, — сказала она, наконец-то посмотрев на него.

— Нет?

— Я не хочу выслушивать ваше предложение, милорд.

Ее голос царапал нервы, превращая его в кровоточащее, жаждущее существо, успокоить которое может только ее прикосновение.

— А мне кажется, хотите.

— Я точно знаю, что не хочу, — возразила она. — Потому что мне понятно, в чем его суть.

— И это не то предложение, которое вы готовы принять?

— Ни под каким видом.

— Но почему?

Она демонстративно посмотрела на его руки, удерживающие ее, словно в клетке, сначала на правую, затем на левую, и снова перевела взгляд на его лицо. Теперь ее глаза сверкали золотом и были полны решимости.

— Потому что у меня есть более важные дела.

Люк громко засмеялся:

— Поверьте, миссис Кертис, в этот час нет ничего более важного, чем то, что я намерен предложить.

— Есть, — сказала она, и ее мягкие губы решительно сжались.

Ну что ж, придется под нее подстраиваться.

— И что это может быть такое?

— Мое предложение вам.

Он вздохнул:

— Очень хорошо. Расскажите мне, в чем там дело.

— Вы прибыли в Бристоль в поисках человека по имени Роджер Мортон. Верно?

Люк пристально посмотрел на нее. Эти слова его не удивили. Она знала, кто он такой. Знала, где его комната. Совершенно очевидно, что она следила за ним с тех пор, как он вчера въехал в город, и точно знала, зачем он здесь. Он не делал из этого тайны и искал любую информацию, которая могла его привести к ублюдку, увезшему мать.

— Да, это правда. Я разыскиваю Роджера Мортонна.

— Я готова помочь вам его найти.

Он скривил губы.

— Да неужели?

— И вот мое предложение. Я помогу его найти, если вы позволите мне поехать с вами.

— Позволить вам поехать со мной. — Люк повторил ее слова медленно, пробуя их на вкус, а перед глазами уже возникали различные картинки. Вместе с этой прелестной леди отправиться на поиски Роджера Мортонна по всей Англии. Делить с ней постель в разных деревенских гостиницах. Долгие ночи наслаждаться этим бледным соблазнительным телом, неистойвой любовью...

Он всмотрелся в ее лицо. Высоко на скулах проступил румянец, суровые черты сделались жестче, придавая ей выражение железной решимости. Он стоял так близко, что чувствовал, как под ее кожей бьется пульс. Стало понятно, что это для нее исключительно важно.

— Почему вы желаете путешествовать со мной? Наедине? — Он подчеркнул слово «наедине», чтобы напомнить о возможных последствиях для ее репутации. В конце концов, она леди, а леди не путешествует наедине с джентльменом, если не замужем за ним.

— Потому что я тоже хочу отыскать Роджера Мортонна, — произнесла она голосом, дрожащим от убежденности.

Люк прищурился.

— И убить его, — добавила мгновение спустя.

Эмма зашла слишком далеко, и знала это. Но несмотря на лихорадочно бьющееся сердце, она не отводила уверенного взгляда от лорда Лукаса Хокинза, не давая себя запугать. Он приехал в Бристоль как раз вовремя, чтобы спасти от существования, грозившего свести ее с ума. И она не упустит этой возможности.

Он не отодвинулся от нее ни на дюйм. Просто стоял и изучал своими пронзительными, подавляющими ледяными голубыми глазами. Придя в таверну, она даже не предполагала, что он может оказаться таким неотразимым.

И она позволила ему поцеловать себя. Боже праведный!

«Вы любите, когда вас связывают, миссис Кертис?» — от этих слов у нее в животе все сжалось. И до сих пор не расслабилось.

— Вы не производите впечатления женщины-убийцы, миссис Кертис. — Он улыбнулся ей, по-волчьи оскалил зубы. — В конце концов, я стою тут, рядом с вами, и ни капли не опасаясь за свою жизнь.

Она продолжала в упор смотреть на него, зная точно, что если ее подозрения оправдаются, с радостью убьет Роджера Мортон.

— Ну хорошо, — после долгого молчания сказал Люк. — Готов поиграть. Почему вы хотите убить Роджера Мортон?

— Из мести.

Руки, упирающиеся в дверь по обе стороны ее плеч, напряглись. Сильные руки. Мужественные и мощные.

— За что? Что натворил этот человек, если вы хотите отобрать у него жизнь?

С чего начать? Если она права в своих подозрениях, Мортон разрушил буквально всю ее жизнь. Но она предположила, что лучше начать с его самого гнусного преступления. Эмма зажмурилась и произнесла, с трудом выталкивая из себя слова:

— Он... убил... моего мужа.

Молчание. Затем:

— А-а.

И это все, что он может сказать? Она открыла глаза, чувствуя, как ее охватывает ярость. Но тут Лукас шевельнулся,

поднял руку и положил ей на щеку, поглаживая большим пальцем скулу. Прошло так много времени с тех пор, как мужчина прикасался к ней, целовал ее. А прикосновения и поцелуи из ее прежней жизни ничем не походили на прикосновения и поцелуи Лукаса Хокинза, мужчины, с которым она знакома меньше часа. И уж конечно, никто никогда не спрашивал ее, нравится ли ей быть связанной.

Святые небеса! Она не желает думать об этом сейчас! Нужно оставаться сосредоточенной.

— Когда? — мягко спросил он.

— Очень давно. — «Целую жизнь назад». — Год назад.

— Сколько времени вы были женаты? — спросил он. — Вы очень молоды.

— Мы поженились всего за три месяца до того, как Генри погиб. Но я вовсе не так молода. Мне двадцать три.

Он посмотрел на нее, и его пылающий огонь синих глаз растопил в ее душе холодок, хотя она и говорила себе, что лорд Лукас опасен. Распутник, шалопай, негодяй — любое из этих определений подходило для него.

А она разбиралась в распутниках, шалопаях и негодяях. Генри тоже относился к этой категории — со своим дружелюбным видом и склонностью к спиртному, азартным играм и... женщинам. Когда он умер, она поклялась себе, что впредь будет избегать подобных мужчин.

А теперь перед ней стоит лорд Лукас Хокинз, красивый, опасный, излучающий нечто настолько неукротимое и привлекательное, что она с трудом противилась желанию побыстрее лечь с ним в постель.

Она позволила ему поцеловать себя. Опасно. Очень опасно.

Эмма призвала на помощь всю свою решимость. Опасен или нет, лорд Хокинз разыскивает Роджера Мортон. Опасно это или нет, но она больше всего на свете хочет найти этого человека.

— Очаровательная миссис Кертис, — произнес лорд Лукас шелковым голосом, который словно потек вниз по ее

спине теплой волной, — а каким именем вас нарекли при крещении?

— Эмма, — ответила она. Вряд ли есть какие-то причины скрывать это от него.

— Могу я называть вас Эммой?

Она заколебалась. Теперь ее так называли только отец, сестра и несколько самых близких знакомых. И все же она почему-то не могла заставить себя сказать «нет», поэтому решила бросить ему вызов:

— В таком случае могу я называть вас Лукасом?

— Ни под каким видом. — Его губы изогнулись в улыбке, от которой ее сердце чуть не остановилось. — Но вы можете называть меня именем, каким меня зовет моя мать — Люк.

— Что ж, пусть будет Люк. — Тут она сообразила, что он отступил назад и больше не прижимает ее к двери, и почувствовала себя безутешной.

Эмма стиснула перед собой руки.

— Я слышала, что вдовствующая герцогиня Трент пропала. Мне очень жаль.

Он едва заметно кивнул, но легкость из взгляда исчезла. Очевидно, исчезновение матери, хоть и случившееся много месяцев назад, по-прежнему его волновало.

— И вы думаете, Роджер Мортон имеет какое-то отношение к ее исчезновению?

Люк вздохнул. Отвернувшись, запустил руку в темнорусую шевелюру, взъерошил волосы так, что они встали дыбом. Эмма с трудом подавила порыв пригласить его волосы, укротить эти торчащие во все стороны пики.

— Мортон совершенно точно причастен к исчезновению моей матери. Она была рядом с ним в ту ночь, когда покинула дом. И после этого он провел с ней как минимум месяц.

Эмма кивнула и сказала негромко:

— Роджер Мортон — воплощение зла. — Он убил Генри и украл состояние ее отца; нет сомнений, что он сотворил что-то ужасное с вдовствующей герцогиней Трент.

Люк скрестил на груди руки и посмотрел на Эмму через крохотную комнату. Она не отвела взгляда, не обращая внимания на трепет при виде его расслабленной мужественной фигуры. Высокие черные кожаные сапоги облегли его икры, как вторая кожа. Темные бриджи обтягивали сильные бедра; верхняя пуговица на жилете в серую и черную полосу расстегнулась, демонстрируя простой белый галстук; черная визитка с высоким воротником и серой шелковой подкладкой подчеркивала ширину плеч.

— Если Роджер Мортон — воплощенное зло, с моей стороны будет не очень-то по-рыцарски позволить леди присоединиться ко мне в его поисках, не так ли?

Она пожала плечами.

— Думаю, вы обрадуетесь, узнав, что меня еще никто никогда не обвинял в рыцарстве.

— Что ж, благодарю Бога за это.

Люк не улыбнулся.

— И все-таки, почему я должен позволить вам присоединиться ко мне?

— Потому что, как я уже говорила, я могу помочь его отыскать. У меня есть кое-какие зацепки, которые приведут нас прямо к нему.

— И что за зацепки?

— Документы.

— Какого рода документы?

— Счета, письма.

Его губы дернулись.

— Каким образом они к вам попали?

— Вы задаете слишком много вопросов. Пока мы не заключим договор, я вам больше ни слова не скажу.

— Договор, согласно которому вы сообщаете мне о местоположении Мортонна, я беру вас с собой, а когда мы его успешно находим, вы его убиваете.

— Да, — решительно ответила она. — Но не раньше, чем вы выясните все возможное о том, что произошло с герцогиней.